

УДК 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_154

ДИСКУРС ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ: ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ*

Рецензия на книгу: Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе / под ред. В. В. Лапина, А. И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 312 с.

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

Екатерина Григорьевна Грибовод,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
gribovod_kate@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43023 «Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики».

© Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г., Моисеенко Я. Ю., 2022

Ян Юрьевич Моисеенко,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
yan.moisseenko@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.05.2022, принята к публикации 13.06.2022

Для цитирования: Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 154-171. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_154

Аннотация

Возросший интерес научного сообщества к поиску стратегий интерпретации прошлого, проблематике памяти и исторической политике оказал значительное влияние на формирование такого отдельного направления в рамках социально-гуманитарных наук, как «исследования памяти» (memory studies). Но, несмотря на множество работ, посвященных разнообразным аспектам памяти, в том числе анализу коммеморативных практик и выявлению основных акторов, символическая сторона политики памяти все еще остается на периферии научного дискурса. В этой связи настоящая рецензия посвящена аналитическому обзору ряда статей сборника «Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе», изданного в Санкт-Петербурге в 2021 г. под редакцией В.В. Лапина и А.И. Миллера. В первую очередь внимание рецензентов привлекли работы методологической направленности, раскрывающие содержание ключевых понятий символической политики и формирующие ее понятийно-категориальный аппарат. Также в сферу критического внимания рецензентов вошло разграничение предметных областей таких феноменов, как «символическая политика» и «политика памяти». Были проанализированы структурные компоненты политики памяти в контексте их практического воплощения. Особый интерес вызвали работы, исследующие символические репрезентации, связанные с современными музейными и коммеморативными практиками историко-реконструкторского толка. Выбор статей для рецензирования обусловлен их теоретико-методологической направленностью и насыщенностью дискурсного видения предмета исследования. Авторы обзора стремились провести анализ работ посредством применения критической оптики, что свидетельствует об открытом характере исследовательского вопроса.

Ключевые слова:

политика памяти, символическая политика, официальный дискурс, нарратив, мнемонический актер, коммеморативные практики, пантеон героев.

UDC 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_154

DISCOURSE ON THE POLITICS OF MEMORY: STUDIES OF SYMBOLIC ASPECTS*

Book review: Lapin, V. V., & Miller, A. I. (Eds.). (2021). Symbolic aspects of memory politics in present-day Russia and Eastern Europe. Saint Petersburg: European University Press

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Ekaterina G. Gribovod,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
gribovod_kate@mail.ru

Yan Yu. Moiseenko,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
yan.moiseenko@mail.ru

Article received on May 27, 2022, accepted on June 13, 2022

For citation: Rusakova, O.F., Gribovod, E.G., Moiseenko, Ya.Yu. (2022). Discourse on the Politics of Memory: Studies of Symbolic Aspects. *Discourse-P*, 19(2), 154–171. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_154

* The research was funded by RFBR according to the project № 21-011-43023 “The official discourse of Russian politics of memory concerning the Soviet past: interpretation strategies, actors and commemorative practices”.

Abstract

The increased interest of the scientific community in the search for strategies for interpreting the past, the problems of memory and historical politics has had a significant impact on the formation of such a research direction within the social sciences and humanities as “memory studies”. But despite a number of works devoted to different mnemonic aspects, including the analysis of commemorative practices and the identification of the main actors, the symbolic side of the politics of memory still remains on the periphery of the scientific discourse. That is why the present article provides an analytical review of several works from the collection *Symbolic aspects of memory politics in present-day Russia and Eastern Europe*, published in Saint Petersburg in 2021, edited by V.V. Lapin and A.I. Miller. First and foremost, the reviewers’ attention was attracted by papers on methodological issues, revealing the key concepts of symbolic politics and forming its conceptual and categorical apparatus. Delimitation of such phenomena as “symbolic politics” and “politics of memory” in terms of their subject areas is within the remit of the reviewers’ critical attention as well. The structural components of the politics of memory were analyzed in the context of their practical implementation. The works exploring symbolic representations associated with modern museum commemorative practices of the historical and reconstructive sense were of particular interest. The choice of papers for reviewing was due to their theoretical and methodological orientation and discursive saturation of the research subject vision. The authors of the review sought to analyze the works through the use of critical perspective, which indicates the controversial nature of the research issue.

Keywords:

politics of memory, symbolic politics, official discourse, narrative, mnemonic actor, commemorative practices, pantheon of heroes.

Введение

Проблематика политики памяти, исторического прошлого и коммеморативных практик широко востребована и находит отражение в ряде работ отечественных ученых (Ковба, Грибовод, 2020; Миллер, Ефременко, 2018; Мошкин, 2021; Русакова, Русаков, 2019). В современной России осуществляют деятельность научные центры, занимающиеся изучением разных аспектов памяти о прошлом, например, Российское военно-историческое общество (РВИО), Российское историческое общество (РИО), Центр изучения культурной памяти и символической политики в Европейском университете в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) и др.

За последние годы в ряде постсоветских стран сформировались антагонистические тренды по отношению к российской политике памяти, согласно которым советский период трактуется как время коммунистической оккупации и колониальной политики, а судьба восточно-европейских народов – как целовеческая трагедия, как переживание состояния жертвы, испытавшей различные виды угнетения и насилия от социалистического режима. При этом данная модель политики памяти не просто монополизируется государственными мне-

моническими акторами, но представляется ими как единственно верная и безальтернативная. Любая иная трактовка исторического прошлого воспринимается как идеологическая диверсия, направленная против единства и национального сплочения социума. Отсюда берет свои начала повышенная законодательная активность государственных органов стран Восточной Европы, направленная на создание целой серии правовых актов, накладывающих запрет на попытки оспорить предлагаемые собственным государством интерпретации исторического прошлого. Результатом данной законотворческой деятельности становится воинственный дискурс политики памяти, неуязвимый для какой бы то ни было конструктивной критики. Этот дискурс одновременно выступает как фактором, упрочивающим нарратив виктимизации собственного народа, так и фактором секьюритизации (обеспечения национальной безопасности) собственного государства (Миллер, 2020, с. 13–14).

Сборник статей «Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе» логически продолжает серию ранее подготовленных коллективных работ (Миллер, Ефременко, 2018, 2020), посвященных тематике политики памяти и выполненных под руководством А.И. Миллера – доктора исторических наук, профессора факультета истории ЕУСПб, научного руководителя Центра изучения культурной памяти и символической политики в ЕУСПб, ведущего научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам РАН. В сборнике представлены статьи, написанные по материалам докладов, сделанных на научной конференции «Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе», которая прошла осенью 2019 г. в ЕУСПб.

Все статьи сборника можно тематически разделить на четыре основные группы. В *первую группу* входят работы преимущественно теоретико-методологического характера, они раскрывают содержание ключевых понятий, составляющих категориальный арсенал символической политики. Кроме этого, в статьях рассматриваются структурные компоненты этой политики в контексте монументальных коммеморативных практик, связанных с запечатлением в коллективной памяти наиболее значимых исторических событий и выдающихся личностей. К данной группе мы отнесли следующие статьи: «Введение» (авторы – О.Ю. Малинова, А.И. Миллер); «Пантеон национальных героев как элемент символической политики. Монументальные практики постсоветской России и общественные представления о выдающихся исторических личностях» (автор – М.А. Липман); «Коммеморация 100-летия Первой мировой войны в России: политическое измерение» (автор – К.А. Пахалюк).

Ко *второй группе* отнесены статьи, раскрывающие на конкретных примерах применение тех или иных элементов символической политики в региональных коммеморативных практиках. К таковым относятся: «Монументы и ритуалы в коммеморативных практиках в Кабардино-Балкарии» (автор – Д.Н. Прасолов); «Белая армия, черный барон»: интерпретация образа П.Н. Врангеля в символической политике современной России» (автор – Д.А. Аникин); «Иркутские режимы памяти об адмирале: практики работы с «колчаковским историческим наследием» (автор – Д.В. Козлов); «Выдуманная столица: конструирование памяти о событиях 1918 г. и 1941–1943 гг. в Самаре» (автор – Я.А. Голубинов); «Канонизация адмирала Ф.Ф. Ушакова – акторы и бенефициары» (автор –

В.В. Лапин); «А.П. Ермолов в мемориальном пространстве Юга России: конфликты исторических интерпретаций» (автор – А.Т. Урушадзе).

В *третью группу* включены статьи, которые посвящены символическим репрезентациям, связанным с современными музейными и историко-реконструкторскими коммеморативными практиками. К ним относятся: «Экспозиция в Музее Победы как индикатор политики памяти в современной России» (автор – С.И. Белов); «Память о блокаде, символы и пространственные метафоры: архитектурный конкурс и дискуссия о создании Музейно-выставочного комплекса «Оборона и блокада Ленинграда» (автор – А.Ю. Павловская); «Возвращение истории»: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики» (автор – К.М. Королев); «(Военно)-историческая реконструкция» в России как символ прошлого в политике памяти» (автор – Е.А. Колосков).

Четвертая группа включает статьи, раскрывающие зарубежные кейсы, репрезентирующие конкретные символические аспекты национальной политики памяти: «Коммеморация и конфликт: мемориальный комплекс «Вечность» и символическое измерение политики в Молдове в 2000-е гг.» (автор – А.А. Воронович); «Гражданская солидарность, протест-праздник и поминовение усопших: «Бессмертный полк» в Киеве в 2019 г.» (автор – А.А. Плеханов); «Голодомор как субъект символической политики» (автор – Г.В. Касьянов); «К вопросу о некоторых особенностях дизайна банкнот украинской гривны» (автор – Д.С. Парфирьев); «Югославизм как историко-политический метанарратив» (автор – Д.В. Ефременко).

Настоящая рецензия посвящена аналитическому обзору некоторых статей, отнесенных к первой и третьей группам, поскольку именно в них исследуются ключевые компоненты символической политики как общей теоретико-методологической рамки политики памяти, определяется общая траектория изучения мира символического, репрезентируемого в ее конкретных моделях, а также раскрываются отдельные элементы инфраструктуры памяти.

Результаты исследования

Во Введении к сборнику *О.Ю. Малинова и А.И. Миллер* стремились в очередной раз разъяснить собственное понимание методологического спора о соотношении понятий «политика памяти» и «символическая политика». Данный вопрос неоднократно поднимался в ряде других курируемых ими изданий (Малинова, 2015, 2018). В частности, схема соотношения таких категорий, как «историческая политика», «политика памяти», «политическое использование прошлого» и «символическая политика», ранее была предложена О.Ю. Малиновой (подробнее см. Малинова, 2018).

Согласно представленной схеме, самым широким понятием является «символическая политика», которая трактуется как публичная деятельность, направленная на производство разнообразных способов интерпретации социальных явлений и связанная с борьбой за доминирование той или иной интерпретации реальности (Малинова, Миллер, 2021, с. 11). Однако если пользоваться данным определением символической политики, закономерно возникает вопрос, чем же понятие «символическая политика» отличается от категории «политический

дискурс»? Ведь если руководствоваться трактовкой символической политики, данной О.Ю. Малиновой, выделенные ею характеристики символической политики вполне можно отнести к ключевым свойствам политического дискурса. Действительно, в работах Я. Торфинга – одного из разработчиков постмодернистской концепции политического дискурса – можно обнаружить целый ряд высказываний о том, что политический дискурс есть способ производства различных интерпретаций реальности, между которыми ведется борьба за доминирование (Torfing, 2005, pp. 10–17). Аналогичные характеристики политического дискурса даются в статьях российских исследователей (Русакова, 2008, с. 114; Русакова, Русаков, 2011, с. 98–99).

Весьма неясным оказывается разграничение предметных областей таких феноменов, как «политическое использование прошлого», «политика памяти» и «историческая политика». Первое из трех понятий по степени общности, согласно О.Ю. Малиновой, шире всех остальных, располагается над политикой памяти, тогда как историческая политика трактуется в качестве частного случая политики памяти. При этом политику памяти предлагается понимать в качестве «деятельности государства и других акторов, направленной на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование подерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования» (Малинова, Миллер, 2021, с. 15).

С нашей точки зрения, не принципиально разграничивать предметные сферы всех трех понятий, поскольку в историографической практике они часто употребляются в качестве синонимов (см. Ачкасов, 2012, с. 137; Нелина, 2020, с. 249). Вместе с тем мы полагаем, что *главной характеристикой политики памяти выступает ее общая нацеленность на управление со стороны государства и иных мнемонических акторов коллективной памятью народа путем производства определенных способов интерпретаций прошлого, конструирования политически значимых смыслов, образов, символов, мифов, нарративов, которые посредством коммеморативных практик, социально-гуманитарных ресурсов «инфраструктуры памяти» и технологий прочно закрепляются в сознании и поведении граждан, что в итоге формирует национальную идентичность и укрепляет легитимность существующей власти.*

Опираясь на данное определение, можно утверждать, что политика памяти, понятая как система государственного управления коллективными представлениями о прошлом, включает в свою внутреннюю структуру конкретные элементы символической политики, а вовсе не наоборот. В этой связи мы считаем, что название сборника выбрано совершенно правильно, поскольку по отношению к политике памяти речь может идти только об ее символических аспектах, к которым относится тот или иной репертуар символических объектов (идеи, знаки, символы, образы, нарративы, памятники, ритуалы и др.). Данные объекты формирует и закрепляет в своих коммеморативных практиках действующая система политики памяти, обладающая институциональной инфраструктурой и набором ресурсов.

Другими словами, вопрос о соотношении предметных полей символической политики и политики памяти решается посредством выбора ракурса и фокуса исследования. В том случае, когда объектом исследовательского внимания

становятся символические аспекты политики памяти, предметное поле данной политики предстает в качестве общей рамки, включающей в себя определенные элементы символической политики в качестве содержания. Если же внимание сфокусировано на символической политике со всеми ее ресурсами, компонентами, акторами, практиками и др., то тогда политика памяти окажется частным случаем по отношению к предметному полю символической политики. В этом плане представленная во Введении схема соотношения понятий (Малинова, Миллер, 2021, с. 15), с нашей точки зрения, нуждается в дополнительном разъяснении, поскольку не отражает зафиксированный в названии сборника ракурс общего исследования.

Кроме того, стоит отметить предложенную О.Ю. Малиновой «модель анализа коммеморации» исторических событий, которая состоит из трех элементов: «стратегии основных мнемонических акторов»; «изменения социально-культурной инфраструктуры памяти о событии»; «соотношения конкурирующих исторических нарративов». Согласимся с авторами, что данная методологическая конструкция представляется многокомпонентной, однако предложенный алгоритм дает возможность вполне системно и комплексно проанализировать исследуемый коммеморативный объект (Малинова, Миллер, 2021, с. 33).

Остановимся далее на некоторых интересных, но отчасти спорных моментах, содержащихся в статье М.А. Липман «Пантеон национальных героев как элемент символической политики. Монументальные практики постсоветской России и общественные представления о выдающихся исторических личностях». Выбранный в качестве предмета исследования национальный пантеон героев, без всякого сомнения, выступает сердцевиной национальной символической политики, а также политики памяти, поскольку на основе его репрезентаций формируется представление об определенной иерархии исторических фигур, чья значимость измеряется их вкладом в реализацию выдвигаемых государством общеполитических целей и задач (Липман, 2021, с. 39). Наиболее зримым и эффективным способом запечатления в массовом сознании политически значимых героических фигур выступает монументальная пропаганда, связанная с созданием музейных комплексов, памятников, скульптур, обелисков, барельефов и т. п.

В своей статье автор сравнивает советский период развития монументальной пропаганды с постсоветским временем, обращая при этом внимание на характер изменений, произошедших в пантеоне популярных исторических деятелей.

Говоря о советском периоде формирования пантеона национальных героев, М.А. Липман обращается к ленинскому Декрету 1918 г. «О памятниках Республики»¹, связанному, по ее словам, с практикой «иконоборчества», которая была направлена на уничтожение скульптурных изображений и разрушение памятников, не отвечающих идеологическим запросам революционного времени. Согласно указу, требовалось снести памятники российским императорам, а вместо них поставить памятники известным революционным деятелям (Липман, 2021, с. 38–40).

¹ Декрет о памятниках Республики (1918, 12 апреля). Взято 16 мая 2022, с <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-12.htm>

Большевистская борьба с памятниками имперской эпохи, считает исследователь, приобрела характер «монументальной лихорадки». Однако, по ее мнению, ленинский план создания пантеона героям мировой революции в первые годы советской власти отнюдь не служил увековечению их памяти, а лишь «в декларативной форме информировал новых советских граждан» об объектах почитания (Липман, 2021, с. 40). С данным тезисом мы в корне не можем согласиться, поскольку считаем, что существующие исторические источники достаточно четко свидетельствуют о том, что председатель Совнаркома был крайне озабочен быстрой реализацией данного плана, которому придавалось огромное воспитательное значение, а именно: виделась необходимость сформировать у граждан молодой республики понимание значимости всей предшествующей мировой борьбы с тиранами за свободу и светлое будущее. Вот почему в список выдающихся деятелей – борцов за свободу, утвержденный Совнаркомом 2 августа 1918 г., вошли такие, на первый взгляд, слабо совмещаемые фигуры, как Маркс и Спартак, Робеспьер и Степан Разин, Сен-Симон и Пушкин (Шалаева, 2014, с. 33). Предлагаемый пантеон новых героев служил чрезвычайно важной и актуальной идее – воспитанию широких народных масс в духе всемирной значимости Октябрьской революции 1917 г. В этой связи в честь празднования первой годовщины Октября осенью 1918 г. в ряде крупных городов советской России были открыты гипсовые и бетонные (в силу финансовых затруднений) памятники, символизирующие торжество идеологии нового государства. По словам скульптора С. Т. Коненкова, который в 1918 г. состоял в отделе изобразительных искусств Наркомпроса, «большинство произведений... рождалось в обстановке горения и революционных исканий. Именно тогда резец скульптора стал оружием в борьбе за советскую власть» (цит. по: Шалаева, 2014, с. 34). Таким образом, было бы ошибочно утверждать, что в первые годы советской власти новому пантеону героев придавалась только информирующая функция.

В статье также говорится, что через шесть лет после издания Декрета «О памятниках Республики» В. И. Ленин сам стал советским «героем монументального пантеона». Исследователь отмечает, что в январе 1924 г., после смерти политического вождя, советские граждане в знак поклонения стали по собственной инициативе возводить ему из подручных материалов памятники. Параллельно шел процесс формирования официального «канонического нарратива о вожде мирового пролетариата», результатом чего стало возникновение культа Ленина, именем которого назывались города, улицы, поселения, социалистические предприятия, государственные и общественные организации. В 1930-е гг. также произошла канонизация образов Сталина и его соратников, пополнивших советский пантеон героев (Липман, 2021, с. 41–42).

С рядом тезисов, выдвинутых в статье, мы можем согласиться. Например, с положением о том, что сегодня официальная «монументальная политика отличается эклектичностью», что современный монументальный ландшафт страны «лишен идеологического единства и нередко оказывается полем противоречий», что центральным компонентом властного дискурса, формирующим некое идеологическое единство политики памяти, выступает «нарратив о Великой Отечественной войне, практически редуцированный до Победы» (Липман, 2021, с. 55–57). Однако стоит отметить, что при оценке и анализе официальной политики памяти нужно учитывать целый ряд факторов, в том числе комплекс культур

и субкультур памяти, который представляет собой мнемоническое пространство современной России. Неудивительно, что поиск определенного консенсуса сопряжен с некоторой уклончивостью, порой даже граничащей с расплывчатостью, официального дискурса, выраженного в пространстве символической политики.

Статья К.А. Пахалюка посвящена исследованию политических аспектов современных практик коммеморации 100-летия Первой мировой войны в России. Автор отмечает, что данное историческое событие до 2013 г. «находилось на обочине национальной памяти», однако приближение юбилея способствовало процессу институционализации, формированию инфраструктуры памяти о войне (Пахалюк, 2021, с. 97). В качестве объектов изучения автором были взяты: 1) официальный дискурс о Первой мировой войне, представленный публичными выступлениями В.В. Путина; 2) деятельность субъектов коммеморации (институтов и мнемонических акторов), а именно: РВИО, РИО вместе с аффилированным с ним фондом «История Отечества», общественных организаций, «реконструкторов» и др., направленная на увековечение памяти о данном историческом событии посредством закрепления в массовом сознании ярких примеров единения государства и народа.

При изучении высказываний В.В. Путина относительно 100-летия Первой мировой войны автор задался целью не только раскрыть общий смысл, которым Президент предложил наполнить юбилей, но и выделить те «микроработы», за счет которых осуществляется эссенциализация прошлого» (Пахалюк, 2021, с. 85). При этом, ссылаясь на методологию критического дискурс-анализа, исследователь поставил задачу показать, каким образом президентский дискурс, рассматриваемый «на коммуникативном, семиотическом и когнитивном уровнях», оказывается способным создавать эффект своей убедительности (с. 85).

В начале своего исследования автор, говоря о коммуникативном измерении исторической риторики Президента, посвященной тематике Первой мировой войны, выделяет такую ее черту, как доминирование коммуникации монологического типа, которая оказывается привязанной к конкретным контекстуальным планам, например, к встрече В.В. Путина с руководством и студентами Балтийского федерального университета им. И. Канта в апреле 2013 г., с творческим коллективом фильма «Батальонъ» и др. (Пахалюк, 2021, с. 85–86).

Переходя к рассмотрению выступлений главы государства с позиций семиотического и когнитивного подходов, автор неожиданно обращается к теории речевых актов Дж. Остина, т. е., по сути, к лингвистическому анализу дискурса. При этом приводится таблица, где публичные высказывания Президента делятся на два основных типа – перформативные и констатирующие. Из этого следует, что в указанных выступлениях констатирующие высказывания явно преобладают, что превращает их «в мини-рассказ о самом событии» – Первой мировой войне.

К. А. Пахалюк приводит в качестве примера абзац из речи В.В. Путина у памятника на Поклонной горе, в котором обозначенная значимость данных исторических событий выстроена «через констатирующее утверждение». Подчеркнем, что автор акцентирует внимание на «констативном сдвиге», который можно рассматривать в качестве «одной из ключевых особенностей публичного обращения к истории в целом», а также выделяет еще одну стратегию – «очевидность факта», характерную для публичного дискурса. При

этом автор отмечает такую особенность дискурса Президента, как возложение ответственности за развал государства в 1917 г. на политическую практику большевиков, которые «украли» у страны победу в Первой мировой войне и нанесли удар «ножом в спину» русской армии. Увязав историю Первой мировой войны с «предательством» большевиков и событиями Великой Отечественной войны, глава государства, согласно К. А. Пахалюку, формулирует официальную версию политического смысла юбилейной даты, который заключается в том, чтобы на примерах героического прошлого убедительно продемонстрировать единство народа и государства, что должно стать «укором любым «партийным» революционерам», а также способствовать возданию справедливости «не только павшим героям, но и героям преданным» (Пахалюк, 2021, с. 86–89).

В целом поставленная самим автором методологическая задача – проанализировать риторику Президента по поводу 100-летнего юбилея Первой мировой войны с позиции критического дискурс-анализа, включающего исследование коммуникативного, семиотического и когнитивного уровней дискурса, – оказалась невыполненной или выполненной частично. Так, анализ ценностного ряда, содержащегося в изучаемых публичных выступлениях, не был полностью проведен и требует дополнительного раскрытия. Когнитивный уровень официального дискурса о событиях Первой мировой войны также недостаточно проанализирован в работе.

В сюжетах, посвященных деятельности РВИО и РИО, исследователь описывает их организационную и символично-порождающую деятельность, направленную на институционализацию памяти о Первой мировой войне (подготовка музейной экспозиции в Ратной палате, открытие памятников героям в разных российских регионах, проведение юбилейных мероприятий и др.). Как отмечает К. А. Пахалюк, данная деятельность направлена на закрепление в массовом сознании россиян представлений о героическом военном прошлом своего государства и народа.

Кроме того, в работе выделяются два направления коммеморации событий Первой мировой войны: «формирование инфраструктуры памяти» и разработка практик, направленных на вовлечение в празднование юбилея (Пахалюк, 2021, с. 97). Несмотря на официально заданную общую смысловую рамку проводимых мероприятий, каждый мнемонический актор, по мнению К. А. Пахалюка, транслировал «собственный способ интерпретации» войны. Однако автор призывает не сопоставлять эти оценки, а указывает, что позиции и заявления разных мнемонических акторов «были встроены как раз в героико-патриотический контекст и ситуативно играли на его усиление» (Пахалюк, 2021, с. 94–95).

Особого внимания заслуживает вывод автора о том, что рассматриваемый юбилей был использован также рядом мнемонических акторов, выступающих за реабилитацию Белого движения в массовом сознании. Кроме того, одной из особенностей коммеморации данной войны становится преобладание «местной специфики» и локальных черт: юбилейные мероприятия проводились преимущественно на территориях, где исторически разворачивались военные события (например, Калининградская область) (Пахалюк, 2021, с. 99–101).

К. А. Пахалюк делает вывод, что, с политической точки зрения, проведенная серия юбилейных акций, призванных придать юбилею требуемую смысловую рамку, в целом оказалась успешной. В короткий срок удалось соз-

дать базовую «инфраструктуру памяти» о Первой мировой войне, в публичном пространстве закрепился и стал доминировать героический взгляд на данные события. В то же время автор весьма критически отзывается о смысловом содержании образа данной войны, который конструировался в ходе мероприятий. Этот образ, по его мнению, способствовал формированию одномерного восприятия исторического прошлого, поскольку был лишен внутреннего конфликтного напряжения, а также не был направлен на «осмысление войны в целом».

Стоит также отметить, что автор недостаточно раскрыл в своей работе такой аспект политики памяти, как «историческая травма», т.к. военные события отличаются как героическими подвигами, так и трагическими событиями. Основное внимание уделялось исключительно достойным примерам, в то время как все другие оказывались на периферии общественных рецептов прошлого (Пахалюк, 2021, с. 106).

Завершая аналитический обзор сборника по символическим аспектам политики памяти, остановимся на статье *К. М. Королева* «Возвращение истории»: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики». Исследовательский интерес к данной работе продиктован тем, что автор, с одной стороны, рассматривает широко известную концепцию о музеях как полноценных мнемонических акторах, с другой – обращается именно к общественным, низовым музейным проектам и практикам, которые аккумулируют и предлагают обществу «народную», предметно-тематическую или локальную интерпретацию событий прошлого (Королев, 2021, с. 199–204), трансформируя символическое пространство культуры памяти.

Проблематика расширения музейной институции, как отмечает исследователь, ставит перед социумом закономерный вопрос о содержании и границах такого понятия, как «музей», а также классификации по тематическому признаку (направлений внутри него). Согласимся, что в последнее время музеи можно рассматривать в качестве «проводников и даже порой «конструкторов» памяти» (Королев, 2021, с. 201–204). Однако, как замечает автор, транслируемая официальными музейными структурами историческая политика не всегда коррелирует с низовыми общественными музейными практиками, т.к. некоторые музеи нового типа обращаются к эпизодам истории страны, которые могут «по разным причинам находиться в «слепой зоне» общественного внимания». Следовательно, с помощью активной общественной работы негосударственные музеи «видоизменяют, частично уточняют и частично опровергают господствующий историко-политический нарратив». В качестве примера *К. М. Королев* приводит «появление негосударственного музея Дороги жизни в деревне Кобона», который способствовал утверждению правобережья Ладоги в качестве «места памяти» в региональной символической политике (с. 205–206).

Автор акцентирует внимание на советском наследии как отдельной области памяти, которая сохраняется и воспроизводится в рамках общественных музейных инициатив. Появление тематических музеев, выставок и экспозиций (например, частного Музея детства в Вологде, Музея социалистического быта в Казани и др.), с одной стороны, может рассматриваться как важный институт коммеморации страниц истории СССР, определенных повседневных советских практик и (или) предметов (например, игрушек); с другой – как

«материальное» проявление ностальгии по советскому прошлому, утраченной молодости (Королев, 2021, с. 207–208).

Стоит отметить, что исследователь проводит параллель между историческими реконструкциями и музеями живой истории, которые применяют практику «воссоздания» прошлого, в основном используя реплики исторических артефактов той или иной эпохи, давая посетителям возможность прочувствовать и «примерить» воссозданный исторический период или событие (Королев, 2021, с. 208–210). Несмотря на попытку автора концептуально описать и определить такой феномен, как виртуальный музей, в работе подробно не раскрываются особенности и возможности данных цифровых мнемонических акторов как субъектов символической и исторической политики. Кроме того, поскольку статья входит в сборник, посвященный символическим аспектам политики памяти, на наш взгляд, автор недостаточно подробно раскрыл содержательно-символическую структуру и роль общественных музейных инициатив в формировании социально-культурной архитектуры памяти, символического капитала страны или региона. Основной акцент в работе сделан на рассмотрении форм и тематической направленности музейных институций нового типа. Стоит отметить, что автор подробно не проанализировал специфику общественных музейных инициатив, характерных для Северо-Западного федерального округа. Однако проведенное им исследование общественных локальных музейных инициатив в рамках исторической политики, на наш взгляд, представляется целостным, отмеченные же нами замечания могут скорее углубить данную проблематику.

Заключение

В рассматриваемом сборнике статей описываются и раскрываются разнообразные формы символических репрезентаций политики памяти, которые характеризуют особенности ее мнемонических акторов и коммеморативных практик, встречаемых как в России, так и в ряде постсоциалистических государств Восточной Европы. В отличие от коллективных исследований политики памяти 2018 и 2020 гг., выполненных под руководством А. И. Миллера, акцент в данной работе сделан главным образом на проблемах использования символической политики в качестве системы инструментов актуализации и реализации коллективной памяти о прошлом. Обращение к коммеморативным практикам и исторической памяти через оптику символической политики востребовано как отдельными институтами, так и обществом в целом.

Стоит подчеркнуть, что данный сборник был создан в результате работы коллектива авторов, при этом предварительно апробирован в формате научной конференции, что дополнительно подтверждает актуальность исследуемой тематики и научную ценность работы. Неотъемлемым плюсом стало сочетание общетеоретических статей с тематическими работами, содержащими отдельные кейсы или посвященными региональным коммеморативным практикам. В качестве перспективного направления для продолжения исследований в выбранном авторами ключе видится выход на проблематику постпамяти и постправды, поскольку указанные феномены трансформируют социально-культурную архитектуру памяти и национальную политику памяти в целом, особенно на постсоветском пространстве.

Данная книга будет интересна широкому кругу читателей, как профессиональным историкам, культурологам и политологам, так и тем, кто интересуется историей и политикой памяти в России и Восточной Европе. Хочется надеяться на продолжение плодотворных исследований коллективом авторов и реализацию интересных научных мероприятий, посвященных символической политике и политике памяти в России. Сделанный в процессе рецензирования ряд замечаний вовсе не свидетельствует о нашей полной правоте. Он говорит лишь об открытом характере решаемых авторами проблем.

Список литературы

1. Ачкасов, В. А. (2012). Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти». В О.Ю. Малинова (Ред.), *Символическая политика* (с. 126–148). М.: ИНИОН РАН.
2. Ковба, Д. М., Грибовод, Е. Г. (2020). Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве. *Дискурс-Пи*, 17(2), 59–77. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10204>
3. Королев, К. М. (2021). «Возвращение истории»: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики». В В. В. Лапин, А. И. Миллер (Ред.), *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе* (с. 199–212). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
4. Липман, М. А. (2021). Пантеон национальных героев как элемент символической политики. Монументальные практики постсоветской России и общественные представления о выдающихся исторических личностях. В В. В. Лапин, А. И. Миллер (Ред.), *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе* (с. 38–64). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
5. Малинова, О. Ю. (2015). *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
6. Малинова, О. Ю. (2018). Политика памяти как область символической политики. В А. И. Миллер, Д. В. Ефременко (Ред.), *Методологические вопросы изучения политики памяти* (с. 27–53). М. – СПб.: Нестор-История.
7. Малинова, О. Ю., Миллер, А. И. (2021). Введение. Символическая политика и политика памяти. В В. В. Лапин, А. И. Миллер (Ред.), *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе* (с. 7–37). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
8. Миллер, А. И. (2020). Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? В А. И. Миллер, Д. В. Ефременко (Ред.), *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы* (с. 8–24). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
9. Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (Ред.). (2018). *Методологические*

вопросы изучения политики памяти. М. – СПб.: Нестор-История.

10. Миллер, А.И., Ефременко, Д.В. (Ред.). (2020). *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

11. Мошкин, С.В. (2021). Политика памяти об Октябрьской революции 1917 г. *Дискурс-Пи*, 18(3). 64–75. https://dx.doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_64

12. Нелина, Л.П. (2020). Подходы к определению концептов memory studies в российской историографии. *Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки*, 6(3), 244–253. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2020-6-3-244-253>

13. Пахалюк, К.А. (2021). Коммеморация 100-летия Первой мировой войны в России: политическое измерение. В В.В. Лапин, А.И. Миллер (Ред.), *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе* (с. 81–107). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

14. Русакова, О.Ф. (2008). Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания. *Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки*, 61(6), 114–121.

15. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2011). *PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ*. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».

16. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2019). Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти. *Дискурс-Пи*, (2), 10–27. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2019.35.2.1027>

17. Шалаева, Н.В. (2014). План советской монументальной пропаганды: пробелы реализации. 1918–1921. *Вестник Челябинского государственного университета. История*, (8), 30–35.

18. Torfing, J. (2005). Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges. In D. Howarth, & J. Torfing (Eds.), *Discourse theory in European politics. Identity, policy and governance* (pp. 1–32). London: Palgrave Macmillan Ltd. https://doi.org/10.1057/9780230523364_1

References

1. Achkasov, V. A. (2012). Rol' politicheskix i intellektual'nyx e'lit postkommunisticheskix gosudarstv v proizvodstve "politiki pamyati" [The role of political and intellectual elites of post-communist states in the production of "politics of memory"]. In O. Yu. Malinova (Ed.), *Simvolicheskaya politika* (pp. 126–148). Moscow: INION RAN.

2. Korolev, S. M. (2021). "Vozvrashhenie istorii": obshhestvennye muzejnye iniciativy skvoz' prizmu istoricheskoy politiki» ["Return of history": Public museum initiatives through the prism of historical politics]. In V. V. Lapin, & A. I. Miller (Eds.), *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope* (pp. 199–212). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

3. Kovba, D. M., & Gribovod, E. G. (2020). Osobennosti formirovaniya

i realizaciji politiki pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne na postsovetskom prostanstve [Features of the formation and implementation of the memory politics of the Great Patriotic War in the post-Soviet space]. *Diskurs-Pi*, 17(2), 59–77. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10204>

4. Lipman, M. A. (2021). Panteon nacional'nyh geroev kak jelement simvolicheskoy politiki. Monumental'nye praktiki postsovetskoj Rossii i obshhestvennye predstavleniya o vydajushhihsja istoricheskikh lichnostjakh [Pantheon of national heroes as an element of symbolic politics. Monumental practices of post-Soviet Russia and public perceptions of prominent historical figures]. In V. V. Lapin, & A. I. Miller (Eds.), *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope* (pp. 38–64). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

5. Malinova, O. Yu. (2015). *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushhej e'lity i dilemmy rossijskoj identichnosti* [Relevant past. Symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N).

6. Malinova, O. Yu. (2018). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [The Politics of memory as a field of symbolic politics]. In A. I. Miller, & D. V. Efremenko (Eds.), *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* (pp. 27–53). Moscow- Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

7. Malinova, O. Yu., & Miller, A. I. (2021). Vvedenie. Simvolicheskaya politika i politika pamyati [Introduction. Symbolic politics and the politics of memory]. In V. V. Lapin, & A. I. Miller (Eds.), *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope* (pp. 7–37). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

8. Miller, A. I. (2020). Vvedenie. Bol'shie peremeny. Chto novogo v politike pamyati i v eyo izuchenii? [Introduction. Sweeping changes. What is new in the politics of memory and its study?] In A. I. Miller, & D. V. Efremenko (Eds.), *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranax Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy* (pp. 8–24). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

9. Miller, A. I., & Efremenko, D. V. (Eds.). (2018). *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory]. Moscow & Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

10. Miller, A. I., & Efremenko, D. V. (Eds.). (2020). *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranax Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in present-day Russia and Eastern Europe. Actors, institutions, narratives]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

11. Moshkin, S. V. (2021). Politika pamyati ob Oktyabr'skoj revolyucii 1917 g. [The 1917 October revolution memory politics]. *Diskurs-Pi*, 18(3), 64–75. https://dx.doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_64

12. Nelina, L. P. (2020). Podxody k opredeleniyu konceptov memory studies v rossijskoj istoriografii [Approaches to defining the concepts of memory studies in Russian historiography]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki*, 6(3), 244–253. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2020-6-3-244-253>

13. Pakhalyuk, K. A. (2021). Kommemoracija 100-letija Pervoj mirovoj vojny v

Rossii: politicheskoe izmerenie [Commemoration of the 100th anniversary of World War I in Russia: Political dimension]. In V. V. Lapin, & A. I. Miller (Eds.), *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope* (pp. 81–107). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

14. Rusakova, O. F. (2008). Politicheskaya diskursologiya: aktual'nost' issledovaniya i teoretiko-metodologicheskie osnovaniya [Political discoursology: Relevance of research and theoretical and methodological foundations]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki*, 61(6), 114–121.

15. Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2011). *PR-Diskurs: Teoretiko-metodologicheskij analiz* [PR-discourse: Theoretical and methodological analysis]. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

16. Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2019). Diskurs postpravdy kak mediatekhnologiya politiki postpravdy [Post-truth discourse as a media technology of post-memory politics]. *Diskurs-Pi*, (2), 10–27.

17. Shalaeva, N. V. (2014). Plan sovetskoj monumental'noj propagandy: probely realizacii. 1918–1921 [Soviet plan of monumental propaganda: Problems of implementation. 1918–1921]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, (8), 30–35.

18. Torfing, J. (2005). Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges. In D. Howarth, & J. Torfing (Eds.), *Discourse theory in European politics. Identity, policy and governance* (pp. 1–32). London: Palgrave Macmillan Ltd. https://doi.org/10.1057/9780230523364_1

Информация об авторах

Ольга Фредовна Русакова, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Екатерина Григорьевна Грибовод, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Ян Юрьевич Моисеенко, младший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4541-5854>, e-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Information about the authors

Olga Fredovna Rusakova, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Ekaterina Grigorievna Gribovod, Candidate of Political Sciences, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Yan Yurievich Moiseenko, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4541-5854>, e-mail: yan.moiseenko@mail.ru